

Фан Цзычэнь оказался в затруднительном положении. Дел впереди было невпроворот, а Гуайцзай только-только уснул — сладко, безмятежно. Будить его не поднималась рука. К тому же Чжао-гэр пришел с тяжелой ношей, и если заставить его еще и тащить ребенка все полчаса обратного пути по палящему полуденному зною, бедняга совсем выбьется из сил.

Ян Минъи, заметив его замешательство, отложил кисть в сторону.

— Брат Фан, пусть спит. Я сегодня всё равно остаюсь здесь, так что присмотрю за ним.

— Тогда полагаюсь на тебя, — Цзычэнь поспешил к двери, но на пороге замер.

Его грызли сомнения: Минъи хоть и выглядел не по годам серьезным, всё же был еще совсем юн. Молодой господин обернулся и с тревогой добавил:

— И-гэр, ты уж будь внимателен. За большую часть моей жизни у меня появился лишь один этот сын, глаз с него не спускай! Не дай бог потеряется.

Ян Минъи: «...»

«Большую часть жизни?!» — мысленно возмутился он, глядя на восемнадцатилетнего «старца».

Управляющий Ян, стоявший неподалеку, лишь закатил глаза. Ему очень хотелось отвесить Фан Цзычэню подзатыльник.

— Все свои, в лавке, под присмотром. Куда он, по-твоему, денется?

***

Стоило Чжао-гэру переступить порог, как он тут же стал объектом самого пристального внимания. В прошлый раз, когда он заходил, официанты еще не знали, кто он такой, и не придали его визиту значения. Но теперь, после утренних рассказов, всем не терпелось увидеть «неземную красоту» собственными глазами. Упустить такой шанс считалось почти преступлением.

На него пялились так жадно, словно стая голодных волков на добычу. Юноша почувствовал себя крайне неуютно, словно сидел на иголках. Даже чай, который ему подали, показался совершенно безвкусным.

На лестнице послышался торопливый стук шагов, и вскоре в зале показался сияющий Фан Цзычэнь.

— Чжао-гэр! Пришел-таки? Устал, поди?

Увидев мужа, супруг мгновенно расслабился.

— Нет, не устал.

Фан не поверил. Он подвел его к прилавку и мягко укорил:

— Опять скромничаешь. Смотри, весь лоб в испарине.

Чжао-гэр лишь смущенно улыбнулся, не став уточнять, что пот выступил у него не от долгой дороги, а от этих плотоядных взглядов персонала.

Цзычэнь усадил его на табурет и принялся расспрашивать:

— Всё купил, что планировали?

— Угу. А где Гуай-цзай?

— Наверху, спит, — ответил муж.

Юноша бросил взгляд на улицу. Солнце перевалило за полдень и нещадно палило, даже через открытые двери чувствовался жар раскаленного воздуха. Но дома ждали дела, медлить было нельзя.

— Сходи, принеси его. Мне пора возвращаться.

— Пусть досматривает сны, — отмахнулся Цзычэнь. — Ступай налегке.

— Но тебе же скоро работать? — заволновался Чжао-гэр. — Что он будет делать, когда проснется?

Он всё еще беспокоился за сына. Гуай-цзай, хоть и был не по годам смышленным, оставался маленьким ребенком, которого нельзя оставлять без присмотра. В городе, в отличие от родной деревни, хватало сомнительных личностей. В деревне-то проще: накормил досыта и выставил за порог — пусть носится с остальной детворой, месит грязь да лазает по деревьям, словно дикая обезьянка.

Мужчина заботливо стер капельки пота с его виска и легонько ущипнул за щеку:

— И-гэр вызвался приглядеть за ним, так что не переживай. Ты сам-то ел? Не проголодался?

Чжао-гэр заметил, что за ними всё еще наблюдают из глубины зала, и поспешно оттолкнул его руку.

— Ел... кровяную колбасу, — буркнул он, не глядя на мужа и изучая носки своих туфель. — Говори просто так, к чему распускать руки? Мы же на людях.

— На людях, значит, нельзя? — Цзычэнь приложил согнутый палец к губам, подавляя лукавый смехок. — Выходит, дома можно?

Они стояли прямо напротив входа, в лучах яркого света. Фан Цзычэнь, и без того статный и белокожий, в этом сиянии казался почти безупречным. Высокий, длинноногий, с теплым блеском в глазах — сейчас, с этой своей нагловатой ухмылкой, он буквально излучал мужественность и обаяние.

Чжао-гэр, которого всегда обезоруживала эта его бесстыжая манера, в сердцах ткнул его кулаком в грудь:

— Да будь же ты серьезнее! Мы в лавке! Кого ты тут пытаешься соблазнить?

Цзычэнь поймал его руку и, быстро поцеловав костяшки пальцев, лишь рассмеялся в ответ, ничего не сказав.

Лицо супруга вспыхнуло пунцовым цветом. Ладно еще дома, но здесь! Хоть они и стояли за высокой стойкой прилавка, которая скрывала их спереди, по бокам-то никакой защиты не было. Стоило кому-нибудь повернуть голову — и всё как на ладони.

К счастью, посетителей в этот час было немного, но бедный гэр от нервного напряжения покрылся холодным потом.

Ван Сяоцзю и остальные официанты, наблюдавшие за этой сценой издали, пребывали в неопишемом восторге. Сунь Даху, раскрасневшись, залпом осушил полмиски воды и выдавил:

— В какой-то момент мне даже показалось... что брат Фан чертовски... чертовски...

Договорить он не смог, но мужчины и так всё поняли. Один из сотрудников со вздохом сочувственно произнес:

— Тяжелая доля у Чжао-гэра.

Остальные тут же уставились на него с недоумением. Тот пояснил с глубоким знанием дела:

— У брата Фана такое лицо, что на него невозможно смотреть без трепета. Иметь такого мужа — чистое мучение. Его же нельзя одного на порог выпускать, за ним глаз да глаз нужен, иначе мигом уведут. Это же какая нагрузка на сердце! Хотя... будь мой мужик хоть в половину так же хорош, я бы, пожалуй, и потерпел.

Ван Сяоцзю окинул его скептическим взглядом:

— Ты часом не забыл, что сам мужик?

— Ой, какой ты зануда! Обязательно было напоминать и портить такую мечту?

Парень так забавно зажеманничал, что у остальных поползли мурашки по коже. Они уже собрались было дружно расхохотаться, как за их спинами раздался ледяной голос управляющего:

— Если не напоминать, ты здесь до вечера грезить будешь.

— Дядя Ян!

Управляющий Ян пользовался в лавке непререкаемым авторитетом.

— Столы протерты?

— Всё сияет, — отрапортовал кто-то из парней.

Эти ребята работали в «Башне Пьяной Ночи» не первый год и дело свое знали туго. В часы затишья начальник позволял им немного расслабиться, поэтому не стал придираться.

— И о чем же вы тут судачили? — спросил он, успев уловить лишь обрывки фразы.

Ван Сяоцзю, не моргнув глазом, расплылся в улыбке:

— Да мы это... Даху утешаем! Правда же, парни?

— Да-да, чистая правда! — тут же подхватили остальные.

Управляющий видел их насквозь, но решил подыграть.

— И что же стряслось с Даху?

Предательство товарищей было столь внезапным, что Сунь Даху застыл на месте, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом под пристальным взглядом начальства. Он не знал, что ответить, потому что сам еще не придумал причину.

Но Ван Сяоцзю, начисто лишенный совести, со скорбным видом произнес:

— Дядя Ян, беда пришла. Жена наставила Даху рога.

Эта история была древней, как мир. Бывшая жена парня уже успела родить третьего ребенка от того самого любовника, и в лавке об этом знали все, кроме вечно занятого управляющего, которому было не до сплетен.

Услышав это впервые, управляющий Ян искренне опешил. Сяоцзю незаметно пихнул Даху под стол, и бедолага, мгновенно сориентировавшись, закрыл лицо руками, изображая безутешное горе.

Дядя Ян сочувственно похлопал его по плечу.

— Бедный малый... — только и смог выдавить он.

***

После недолгой перепалки у прилавка Чжао-гэр, окончательно смущенный и рассерженный, одарил мужа сердитым взглядом своих миндалевидных глаз. В этом взоре смешались и гнев, и стыд — Фан Цзычэнь почувствовал, как внутри него разгорается жар. Но тронуть суженого здесь, на виду у всех, он не мог.

«Чертов маленький искушитель», — только и подумал он.

Когда супруг практически сбежал из лавки, Цзычэнь, пребывая в прекрасном расположении духа, подошел к официантам.

— Чего шумим?

Управляющий Ян лишь тяжело вздохнул и промолчал. А Ван Сяоцзю снова принялся «сыпать соль на рану»:

— Да вот, Даху припоминаем, как его жена обставила.

— Да ну? — Фан с интересом взглянул на парня. — Правда, что ли?

— Истинная правда, брат Фан. Я такими вещами не шучу, — заверил Сяоцзю.

Цзычэнь окинул Сунь Даху критическим взглядом. Утешать он и не думал, решив высказаться со всей прямоотой:

— Видишь ли, в деле с рогами всё просто. Либо твоя баба — потаскуха, которой в тягость одиночество, либо проблема в тебе самом.

Если женщина распутна, то какой бы ни был муж, она всё равно пойдет налево. Но если муж сам дает повод — распускает руки, не может обеспечить семью или, скажем так, не силен в постели — тогда и винить ее не в чем.

Услышать сомнение в своей мужской силе для любого было оскорблением. Даху тут же возмутился:

— Да я, вообще-то, вполне себе ого-го!

— Значит, жена у тебя — вертихвостка? — уточнил Фан Цзычэнь.

Парень вспомнил бывшую и покачал головой. Поливать ее грязью он не хотел.

— Да не сказал бы.

— Невозможно, — отрезал Фан. — Кто-то из вас двоих точно с изъяном.

— Но это точно не я! — стоял на своем бедолага.

— С чего бы это? — Цзычэнь смерил его взглядом. — Давай рассуждать логически. Будь ты таким, как я, разве твоя жена хоть раз посмотрела бы на сторону?

Сунь Даху: «...»

— Пожалуй... нет.

— Вот именно. Не «пожалуй», а точно, — Фан был непоколебим в своей самоуверенности. Он четко осознавал свои достоинства: высокий, богатый, красивый — эти три определения сидели

на нем как влитые. Он покровительственно похлопал Даху по плечу и наставительно добавил:
— Старайся лучше, брат. Иначе первая порция рогов точно не станет последней.

Сунь Даху: «...»

Крыть было нечем. Аргументы были убийственно логичны. Управляющий Ян из последних сил сдерживал смех, и давалось ему это с большим трудом.

***

Во второй половине дня в лавке началось оживление. Цзычэнь на минутку поднялся наверх. Ян Минъи прилежно повторял пройденное, а Гуай-цзай всё еще безмятежно спал. Дети в жару часто потеют, но лоб мальчика был сухим — видимо, Минъи заботливо вытирал его.

У юноши уже была база, так что Фан, проверив его знания, перешел сразу к сложению и вычитанию двузначных чисел. Будучи в прошлой жизни отличником, он выстроил четкую систему обучения и знал, как добиться максимальной эффективности. Чтобы закрепить материал, Цзычэнь набросал ученику целую гору задач.

От такого объема работы у бедного парня едва голова не пошла кругом.

Около трех часов дня Гуай-цзай проснулся. Обстановка вокруг была незнакомой, спросонья он совершенно забыл, где находится, и с плачем позвал:

— Папа? Отец?

Хоть он и был привязан к Цзычэню, в моменты страха первым делом искал защиты у Чжао-гэра, который проводил с ним больше всего времени.

Ян Минъи растерялся:

— Что случилось?

Гуай-цзай окончательно пришел в себя и вспомнил, где он. Слезы тут же высохли, и он расплылся в улыбке:

— Ян-чжу!

Ян Минъи: «...»

Он был искренне поражен такой мгновенной смене настроения.

— Так что случилось-то? — снова спросил он, присаживаясь рядом.

Гуай-цзай немного засмутился:

— Животик давит. Гуай-цзай писать хочет.

Минъи отвел его на задний двор. В уборной он хотел было помочь малышу распутать завязки на штанах, но Гуай-цзай, помня наставления отца, крепко вцепился в пояс:

— Я сам могу.

Минъи кивнул. Он помнил, как няньки всегда стояли над его кузенами, поэтому не ушел, а остался ждать рядом. Гуай-цзай, хоть и торопился так, что едва не намочил штаны, не забыл строго предупредить:

— Ян-чжу, не смей подглядывать на попку и пипку Гуай-цзая!

Ян Минъи: «...»

— Отец говорит, что если смотлеть на пипку негодяя, то вылястет ячмень, а можно и вовсе ослепнуть! — важно вещал малыш. — А если ослепнуть, то не увидишь больше ни отца, ни папу. Будет очень галко.

Ян Минъи: «...»

Когда дело было сделано, Минъи подхватил его на руки и понес обратно. Проходя через общий зал, Гуай-цзай ткнул маленьким пальчиком в сторону Фан Цзычэня и радостно пролепетал:

— Это мой отец!

— Брат Фан занят, — Минъи ускорил шаг к лестнице. — Пойдем в комнату.

— Ага, я снаю. Нельзя мешать отцу салабатывать большие деньги, — Гуай-цзай продолжал смотреть на Цзычэня, пока они не поднялись на второй этаж. Лишь тогда он обернулся к Минъи и добавил: — Отец, когда работает, такой класавчик! Самый лучший на свете!

Ян Минъи: «...»

Ему казалось, что за один этот день лимит его недоумения был исчерпан на годы вперед.

<http://bllate.org/book/15357/1435157>